

One
Flew
Over the
Cuckoo's
Nest

Ken Kesey

Над КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ

Кен Кизи

Москва 2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К35

Ken Kesey

ONE FLEW OVER THE CUCKOO'S NEST

Copyright © Ken Kesey, 1962.

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition published by arrangement with Viking, a member of Penguin Group (USA) Inc.

Перевод с английского *В. Гольшева*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Кизи, Кен.

К35 Над кукушкиным гнездом / Кен Кизи ; [пер. с англ. В. П. Гольшева]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с. — (Культовая классика).

ISBN 978-5-699-72665-3

Подобно многочисленным громким событиям, связанным с именем «веселого проказника» Кена Кизи, его первая книга «Над кукушкиным гнездом» (1962) произвела много шума в литературной жизни Америки. Кизи был признан талантливейшим писателем, а роман стал одним из главных произведений для битников и хиппи.

«Над кукушкиным гнездом» – это грубое и опустошающе честное изображение границ между здравомыслием и безумием. «Если кто-нибудь захочет ощутить пульс нашего времени, пусть читает Кизи. И если все будет хорошо и не изменится порядок вещей, его будут читать и в следующем веке», – писали в газете «Лос-Анджелес Таймс». Действительно, и в наши дни книга продолжает жить и не теряет своей сумасшедшей популярности.

По мотивам романа был снят одноименный фильм (реж. Милош Форман, 1975), покоривший весь мир и получивший пять «Оскаров». А также поставлено множество спектаклей в разных странах, в том числе в России.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гольшев В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-72665-3

ООО «Издательство «Э», 2018

One
Flew
Over the
Cuckoo's
Nest

Ken Kesey

Над КУКУШКИНЫМ ГНЕЗДОМ

Кен Кизи

Москва 2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К35

Ken Kesey

ONE FLEW OVER THE CUCKOO'S NEST

Copyright © Ken Kesey, 1962.

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition published by arrangement with Viking, a member of Penguin Group (USA) Inc.

Перевод с английского *В. Гольшева*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Кизи, Кен.

К35 Над кукушкиным гнездом / Кен Кизи ; [пер. с англ. В. П. Гольшева]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Культовая классика).

ISBN 978-5-699-72665-3

Подобно многочисленным громким событиям, связанным с именем «веселого проказника» Кена Кизи, его первая книга «Над кукушкиным гнездом» (1962) произвела много шума в литературной жизни Америки. Кизи был признан талантливейшим писателем, а роман стал одним из главных произведений для битников и хиппи.

«Над кукушкиным гнездом» – это грубое и опустошающе честное изображение границ между здравомыслием и безумием. «Если кто-нибудь захочет ощутить пульс нашего времени, пусть читает Кизи. И если все будет хорошо и не изменится порядок вещей, его будут читать и в следующем веке», – писали в газете «Лос-Анджелес Таймс». Действительно, и в наши дни книга продолжает жить и не теряет своей сумасшедшей популярности.

По мотивам романа был снят одноименный фильм (реж. Милош Форман, 1975), покоривший весь мир и получивший пять «Оскаров». А также поставлено множество спектаклей в разных странах, в том числе в России.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гольшев В., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-72665-3

*Вику Ловеллу,
который сказал мне,
что драконов не бывает,
а потом привел в их логово.*

... Кто из дому, кто в дом,
кто над кукушкиным гнездом.

Считалка

ЧАСТЬ I

Они там.
Черные в белых костюмах, встали раньше меня, справят половую нужду в коридоре и подотрут, пока я их не накрыл.

Подтирают, когда я выхожу из спальни: трое, угрюмы, злы на все — на утро, на этот дом, на тех, при ком работают. Когда злы, на глаза им не попадайся. Пробираюсь по стеночке в парусиновых туфлях, тихо, как мышь, но их специальная аппаратура засекает мой страх: поднимают головы, все трое разом, глаза горят на черных лицах, как лампы в старом приемнике.

— Вон он, вождь. Главный вождь, ребята. Вождь Швабра. Поди-ка, вождек.

Суют мне тряпку, показывают, где сегодня мыть, и я иду. Один огрел меня сзади по ногам щеткой: шевелись.

— Вишь, забегал. Такой длинный, яблоко у меня с головы зубами может взять, а слушается, как ребенок.

Смеются, потом слышу, шепчутся у меня за спиной, головы составили. Гудят черные машины, гудят ненавистью, смертью, другими больничными секретами. Когда я рядом, все равно не побеспоко-

ятся говорить потише о своих злых секретах — думают, я глухонемой. И все так думают. Хотя тут хватило хитрости их обмануть. Если чем помогала мне в этой грязной жизни половина индейской крови, то помогала быть хитрым, все годы помогала.

Мою пол перед дверью отделения, снаружи вставляют ключ, и я понимаю, что это старшая сестра: мягко, быстро, послушно поддается ключу замок; давно она орудует этими ключами. С волной холодного воздуха она проскальзывает в коридор, запирает за собой, и я вижу, как проезжают напоследок ее пальцы по шлифованной стали — ногти того же цвета, что губы. Оранжевые прямо. Как жало паяльника. Горячий цвет или холодный, даже не поймешь, когда они тебя трогают.

У нее плетеная сумка вроде тех, какими торгует у горячего августовского шоссе племя ампкава, — формой похожа на ящик для инструментов, с пеньковой ручкой. Сколько лет я здесь, столько у нее эта сумка. Плетение редкое, я вижу, что внутри: ни помады, ни пудреницы, никакого женского барахла, только колесики, шестерни, зубчатки, отполированные до блеска, крохотные пилюли белеют, будто фарфоровые, иголки, пинцеты, часовые щипчики, мотки медной проволоки.

Проходит мимо меня, кивает. Я утаскиваюсь следом за шваброй к стене, улыбаюсь и, чтобы понадежней обмануть ее аппаратуру, прячу глаза — когда глаза закрыты, в тебе труднее разобраться.

В потемках она идет мимо меня, слышу, как стучат ее резиновые каблуки по плитке и брякает в сумке добро при каждом шаге. Шагает деревянно. Когда открываю глаза, она уже в глубине коридора заворачивает в стеклянный сестринский пост —

просидит там весь день за столом, восемь часов будет глядеть через окно и записывать, что творится в дневной палате. Лицо у нее спокойное и довольное перед этим делом.

И вдруг... Она заметила черных санитаров. Они все еще рядышком, шепчутся. Не слышали, как она вошла в отделение. Теперь почувствовали ее злой взгляд, но поздно. Хватило ума собраться и лясы точить перед самым ее приходом. Их лица отскакивают в разные стороны, смущенные. Она, пригнувшись, двинула на них — они попались в конце коридора. Она знает, про что они толковали, и, видно, себя не помнит от ярости. В клочья разорвет черных паразитов, до того разъярилась. Она раздувается, раздувается — белая форма вот-вот лопнет на спине — и выдвигает руки так, что может обхватить всю троицу раз пять-шесть. Оглядывается, крутанув громадной головой. Никого не видеть, только вечный Швабра Бромден, индеец-полукровка, прячется за своей шваброй и не может позвать на помощь, потому что немой. И она дает себе волю: накрашенная улыбка искривилась, превратилась в оскал, а сама она раздувается все больше, больше, она уже размером с трактор, такая большая, что слышу запах механизмов у нее внутри — вроде того, как пахнет мотор при перегрузке. Затаив дыхание, думаю: ну все, на этот раз они не остановятся. На этот раз они нагонят ненависть до такого напряжения, что опомниться не успеют — разорвут друг друга в клочья!

Но только она начала сгребать этими раздвижными руками черных санитаров, а они потрошить ей брюхо ручками швабр, как из спален выходят больные посмотреть, что там за базар, и она при-

нимает прежний вид, чтобы не увидели ее в натуральном жутком обличье. Пока больные протерли глаза, пока кое-как разглядели спросонок, из-за чего шум, перед ними опять всего лишь старшая сестра, как всегда спокойная, сдержанная, и с улыбкой говорит санитарам, что не стоит собираться кучкой и болтать, ведь сегодня понедельник, первое утро рабочей недели, столько дел...

— ... понимаете, понедельник, утро...

— Да, мисс Гнусен...

— ... а у нас столько назначений на это утро... так что если у вас нет особой надобности стоять здесь вместе и беседовать...

— Да, мисс Гнусен...

Замолкла, кивнула больным, которые собрались вокруг и смотрят красными, опухшими со сна глазами. Кивнула каждому в отдельности. Четким, автоматическим движением. Лицо у нее гладкое, выверенное, точной выработки, как у дорогой куклы, — кожа будто эмаль телесного цвета, белокремовая, ясные голубые глаза, короткий носик с маленькими розовыми ноздрями, все в лад, кроме цвета губ и ногтей да еще размера груди. Где-то ошиблись при сборке, поставили такие большие женские груди на совершенное во всем остальном устройство, и видно, как она этим огорчена.

Больные еще стоят, хотят узнать, из-за чего она напала на санитаров; тогда она вспоминает, что видела меня, и говорит:

— Поскольку сегодня понедельник, давайте-ка для разгона раньше всего побреем бедного мистера Бромдена и тем, может быть, избежим обычных... э-э... беспорядков — ведь после завтрака в комнате для бритья у нас будет столпотворение.

Пока они оборачиваются ко мне, я ныряю обратно в чулан для тряпок, захопываю дочерна дверь, перестаю дышать. Хуже нет, когда тебя бреют до завтрака. Если успел пожевать, ты не такой слабый и не такой сонный, и этим гадам, которые работают в Комбинате, сложно подобраться к тебе с какой-нибудь из своих машинок. Но если до завтрака бреют — а она такое устраивала, — в половине седьмого, в комнате с белыми стенами и белыми раковинами, с длинными люминесцентными трубками в потолке, чтобы теней не было, и лица всюду вокруг тебя кричат, запертые за зеркалами, — что ты тогда можешь против ихней машинки?

Схоронился в чулане для тряпок, слушаю, сердце стучит в темноте, и стараюсь не испугаться, стараюсь отогнать мысли подальше отсюда, подумать и вспомнить что-нибудь про наш поселок и большую реку Колумбию, вспоминаю, как в тот раз, ох, мы с папой охотились на птиц в кедровнике под Даллзом... Но всякий раз, когда стараюсь загнать мысли в прошлое, укрыться там, близкий страх все равно просачивается сквозь воспоминания. Чувствую, что идет по коридору маленький черный санитар, принохиваясь к моему страху. Он раздувает ноздри черными воронками, вертит большой башкой туда и сюда, нюхает, втягивает страх со всего отделения. Почуял меня, слышу его сопение. Не знает, где я спрятался, но чует, нюхом ищет. Замираю...

(Папа говорит мне: замри; говорит, что собака почуяла птицу, где-то рядом. Мы одолжили пойтера у одного человека в Даллз-Сити. Наши поселковые псы — бесполезные дворняги, говорит папа, рыбу трубуху едят, низкий класс; а у этой собаки — у ней *инстинкт!* Я ничего не говорю, но уже вижу